

Петербургский институт иудаики

ОЗЕРНАЯ ТЕКСТОЛОГИЯ

Труды IV летней школы
на Карельском перешейке
по текстологии и источниковедению
русской литературы

Поселок Поляны (Уусикирко)
Ленинградской области

2007

«Эклога 5-я (летняя)»: 24 примечания

Как соотносятся между собой комментарий и интерпретация? Комментарий есть основа для любой добросовестной интерпретации, его можно определить как исчерпывающий (в недостижимом идеале) реестр пояснений к *отдельным* фрагментам текста, предшествующий форсированной попытке исследователя понять текст как *единое целое*.

Уклоняясь, в данном случае, от посползновений интерпретировать стихотворение Иосифа Бродского «Эклога 5-я (летняя)» 1981 г.¹, мы сосредоточили свои усилия на комментарии к стихотворению, а также на (оставшемся за рамками работы) отборе фрагментов и реалий для этого комментария.

Совершенно очевидно, что объем примечаний к «Эклогам» должен быть разным для читателей разной квалификации. Мы просим прощения как у тех из них, которым нижеследующие примечания покажутся избыточными, так и у тех, кто сочтет их недостаточными.

ЭКЛОГА 5-я (ЛЕТНЯЯ)

I

Вновь я слышу тебя, комариная песня лета!
Потные муравьи спят в тени курослепа.
Муха сползает с пыльного эполета
лопуха, разжалованного в рядовые.
Выраженье «ниже травы» впервые
означает гусениц. Буровые

вышки разросшегося кипрея
в джунглях бурьяна, вьюнка, пырея
синеют от близости эмпирея.
Салют бесцветного болиголова
сотрясаем грабками пожилого
богомолы. Темно-лилова,

сердцевина репейника напоминает мину,
взорвавшуюся как бы наполовину.
Дягиль тянется точно рука к графину.

Эклога — греческая идиллия в стихах, пастушеское стихотворение. Бродский в своих опытах с этим жанром ориентировался, в первую очередь, на эклоги Вергилия.

Эмпирей греч. — небо, место света.

Болиголов — род растений из семейства зонтичных. Его мелкие цветы, сотрясаемые лапками жука, напоминают вспышки салюта (см. рис. 1).

Дягиль — род растений из семейства зонтичных (см. рис. 2).

И паук, как рыбачка, латает крепкой
ниткой свой невод, распятый терпкой
полянью и золотой сурепкой.

Жизнь — сумма мелких движений. Сумрак
в ножнах осоки, трепет пастушьих сумок,
меняющийся каждый миг рисунок
конского шавеля, дрожь люцерны,
чабреца, тимофеевки — драгоценны
для понимания законов сцены,

не имеющей центра. И злак, и плевел
в полдень отбрасывают на север
общую тень, ибо их посеял
тот же ветренный сеятель, кривотолки
о котором и по сей день не смолкли.
Вслушайся, как шуршат метелки

петушка-или-курочки! что лепечет
ромашки отрывистый чет и нечет!
как мать-и-мачеха им перечит,
как болтает, точно на грани бреда,
примятая лебедою Леда
нежной мяты. Лужайки лета,

освещенные солнцем! бездомный мотыль,
пирамида крапивы, жара и одурь.
Пагоды папортника. Поодаль —
анис, как рухнувшая колонна,
минарет шалфея в момент наклона —
травяная копия Вавилона,

зеленая версия Третьеримска!
где вправо сворачиваешь не без риска
вынырнуть слева. Все далеко и близко.
И кузнечик в погоне за балериной
капустницы, как герой былинный,
замирает перед сухой былинкой.

II

Воздух, бесцветный вблизи, в пейзаже
выглядит синим. Порою — даже
темно-синим. Возможно, та же
вещь случается с зеленью: удаленность

*Тимофеевка — многолетний
злак с соцветиями в виде плот-
ного тупого ко-лоса (см. рис. 3).*

*Подразумевается притча Хрис-
та о Царствии Небесном, пше-
нице и плевел-лах (Матф. 13,
24—30). Напомним, что в зна-
менитой IV эклоге Вергилия
предсказано рождение Христа.*

*Название полевой травы по де-
тской игре «петушок-или-ку-
рочка» (если метелочка травы
после захватывания ее пальца-
ми будет густой и высокой, то
это петушок»; если нет —
«курочка»).*

*Фонетический каламбур: мята
примята лебедою, сравнива-
ется с античной Ледой, соблаз-
няемой («примятой») лебедем
Зевсом.*

*Подразумевается ветхозавет-
ная Вавилонская башня (см.:
Бытие 11, 4)*

То есть Москвы.

*Автореминисценция из финала
«Рождественского романа»:
«Как будто жизнь качнется
вправо, // качнувшись влево».*

взора от злака и есть зелень
оного злака. В июле склонность

флоры к разрыву с натуралистом,
дав потемнеть и набрякнуть листьям,
передается с загаром лицам.
Сумма красивых и некрасивых,
удаляясь и приближаясь, в силах
глаз измучить почище синих

и зеленых пространств. Окраска
вещи на самом деле маска
бесконечности, жадной к деталям. Масса,
увы, не кратное от деленья
энергии на скорость зренья
в квадрате, но ощущение тренья

о себе подобных. Вглядись в пространство!
в его одинаковое убранство
поблизости и вдалеке! в упрямство,
с каким, независимо от размера,
зелень и голубая сфера
сохраняет колер. Это — почти что вера,

род фанатизма! Жужжанье мухи,
увязшей в липучке, — не голос муки,
но попытка автопортрета в звуке «ж».
Подобие алфавита,
тело есть знак размноженья вида
за горизонт. И пейзаж — лишь свита

убежавших в Азию, к стройным пальмам,
особей. Верное ставням, спальням,
утро в июле мусолит пальцем
пачки жасминовых ассигнаций,
лопаются стручки акаций,
и воздух прозрачнее комбинаций

спящей красавицы. Душный июль! Избыток
зелени и синевы — избитых
форм бытия. И в глазных орбитах —
остановившееся, как Аттила
перед мятым щитом, светило:
дальше попросту не хватило

Переименованная формула А. Эйнштейна « $E=mc^2$ »: скорость света у Бродского подменена скоростью зренья (скорость зренья приравнивал к скорости света Аристотель).

Перед началом Шалонской битвы противостоящий Атилле полководец Аэтиус, зная, что

означенной голубой кудели
воздуха. В одушевленном теле
свет узнает о своем пределе
и преломляется, как в итоге
длинной дороги, о чьем истоке
лучше не думать. В конце дороги —

III

бабочки, мальвы, благоуханье сена,
река вроде Оредежи или Сейма,
расположившиеся подле семьи
дачников, розовые наяды,
их рискованные наряды,
плеск; пронзительные рулады

соек тревожат прибрежный тальник,
скрывающий белизну опальных
мест у скидывающих купальник
в зарослях; запах хвои, обрывы
цвета охры; жара, наплывы
облаков; и цвета мелкой рыбы

волны. О, водоемы лета! Чаше
всего блестящие где-то в чаше
пруды или озера — части
воды, окруженные сушей; шелест
осоки и камышей, замшелость
коряги, нежная ряска, прелесть

желтых кувшинок, бесстрастность лилий,
водоросли — или рай для линий —
и шастающий, как Христос, по синей
глади жук-плавунец. И порою окунь
всплеснет, дабы окинуть оком
мир. Так высовываются из окон

и немедленно прячутся, чтоб не выпасть.
Лето! пора рубаш на выпуск,
разговоров про ядовитость
грибов, о поганках, о белых пятнах
мухоморов, полемики об опятах
и сморчках; тишины объятых

*гунны начнут наступление об-
стрелом из луков, дал приказ
римлянам скрыться от града
стрел за свои щиты.*

*Реки на северо-западе (Оредеж)
и в центре Европейской части
(Сейм) России.*

*Подразумевается евангельский
эпизод: Матф. 14, 25–27.*

*Опята — осенние грибы;
сморчки — весенние.*

сонным покоем лесных лужаек,
где в полдень истома глаза смежает,
где пчела, если вдруг ужалит,
то приняв вас сослегу за махровый
мак или за вещь, коровой
оставленную, и взлетает, пробой

обескуражена и громоздка.
Лес — как ломаная расческа.
И внезапная мысль о себе подростка:
«выше кустарника, ниже ели»
оглушает его на всю жизнь. И еле
видный жаворонок сыплет трели

с высоты. Лето! пора зубрежки
к экзаменам формул, орла и решки;
прыщи, бубоны одних, задержки
других — от страха, что не осилишь;
силуэты техникумов, училищ,
даже во сне. Лишь хлысты удилищ

с присвистом прочь отгоняют беды.
В образовавшиеся просветы
видны сандали, велосипеды
в траве; никелированные педали
как петлицы кителей, как медали.
В их резине и в их металле
что-то от будущего, от века
Европы, железных дорог — чья ветка
и впрямь, как от порыва ветра,
дает зеленые полустанки —
лес, водокачка, лицо крестьянки,
изгородь — и из твоей жестянки

расползаются вправо-влево
вырытые рядом со стенкой хлева
червяки. А потом — телега
с наваленными на нее кулями
и бегущий убранными полями
проселок. И где-то на дальнем плане

церковь — графином, суслоны, хаты,
крытые шифером с толью скаты
и стекла, ради чьих рам закаты

*«Суслон, сев., вост. составлен-
ные на жниве снопы, для про-
сушки, нахлобученные сно-
пом же» (Словарь В. И. Даля) 2.*

и существуют. И тень от спицы,
удлиняясь до польской почти границы,
бежит вдоль обочины за матерком возницы

как лохматая Жучка, она же Динка;
и ты глядишь на носок ботинка,
в зубах травинка, в мозгу блондинка
с каменной дачей — и в верхотуре
только журавль, а не вестник бури.
Слава нормальной температуре! —

на десять градусов ниже тела.
Слава всему, до чего есть дело.
Всему, что еще вам не надоело!
Рубашке болтающейся, подсохнув,
панаме, выглядящей, как подсолнух,
вальсу издалека «На сопках».

IV

Развевающиеся занавески летних
сумерек! крынками полный ледник,
сталин или хрущев последних
тонуших в треске цикад известий,
варенье, сделанное из местной
брусники. Обмазанные известкой

щиколотки яблоневого аллеи
чем темнее становится, тем белее;
а дальше высятся бармалеи
настоящих деревьев в сгущенной синьке
вечера. Кухни, зады, косынки,
слюдяная форточка керосинки

с адским пламенем. Ужины на верандах!
Картошка во всех ее вариантах.
Лук и редиска невероятных
размеров, укроп, огурцы из кадки,
помидоры, и все это — прямо с грядки,
и, наконец, наигравшись в прятки,

пыльные емкости! Копоть лампы.
Пляска теней на стене. Таланты
и поклонники этого действия. Латы
самовара и рафинад, от соли

*Журавль, а не буревестник (ба-
рометр?) на крыше.*

*Популярный вальс «На сопках
Манчжурии» (композитор
И. А. Шатров).*

*Сквозь слюдяное окошко керо-
синовой лампы можно наблю-
дать за уровнем пламени и регу-
лировать его.*

*Законсервированное варенье,
после долгого хранения вынима-
емое из темных погребов к чаю.*

отличаемый с помощью мухи. Соло
удода в малиннике. Или — ссоры

лягушек в канаве у сеновала.
И в латах кипящего самовара —
ужимки вытянутого овала,
шорох газеты, курлы отрыжек;
из гостинной доносится четкий «чижик»;
и мысль Симонида насчет лодыжек

избавляет на миг каленый
взгляд от обоев и ответвлений
боярышника: вид коленей
всегда недостаточен. Тем дороже
тело, что ткань, его скрыв, похоже
помогает скользить по коже,

лишенной узоров, присущих ткани,
вверх. Тем временем чай в стакане,
остывая, туманит грани,
и пламя в лампе уже померкло.
А после под одеялом мелко
дрожит, тускло мерцающая, стрелка

нового компаса, определяя
Север не хуже, чем удаляя
мысль прокурора. Обрывки лая,
пазы в разошедшемся табурете,
сонное кукареку в подклети,
крик паровоза. Потом и эти

звуки смолкают. И глухо — глуше,
чем это воспринимают уши —
листва, бесчисленная, как души
живших до нас на земле, лопочет
нечто на диалекте почек,
как языками, чей рваный почерк

— кляксы, клинопись лунных пятен —
ни тебе, ни стене невнятен.
И долго среди бугров и вмятин
матраса вертись, расплетая,
где иероглиф, где запятая;
и снаружи шумит густая,
еще не желтая, мощь Китая.

В сохранившихся отрывках из поэмы Симонида Аморгосского «Женщины» (к которым, вероятно, отсылает здесь читателя Бродский) никаких мыслей относительно лодыжек не содержится. Зато «тонколодыжные девы» упоминаются у Гомера.

Прямой намек на биографические обстоятельства самого Бродского, в 1964 г. приговоренного к 5 годам с обязательным привлечением к труду.

Многочисленная, еще не пожелтевшая (поскольку лето) листва.

Рис. 1. Болиголов
(картина В. Смирнова)

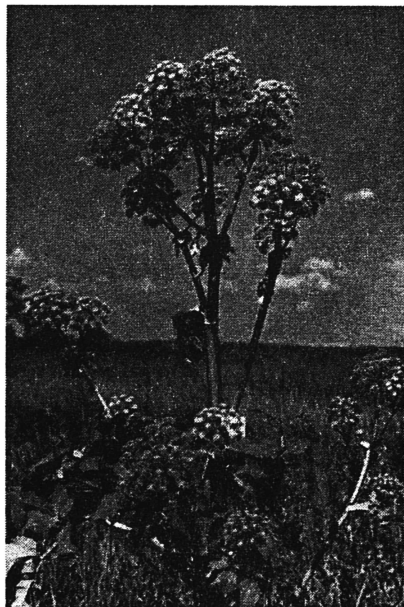

Рис. 2. Дягиль

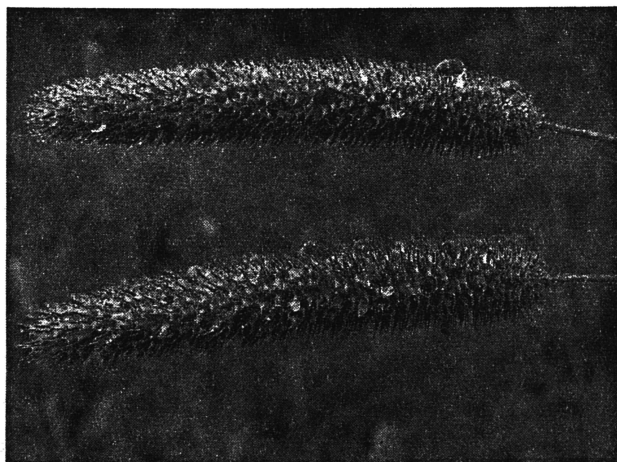

Рис. 3. Тимофеевка

Примечания

- ¹ Тем более что такой опыт уже был предпринят в работе: *Маймескулов Анна. О водоемы лета! (К игровой семантике «Эклоги 5-й (летней)» Бродского) // Художественный текст как динамическая система. Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию В. П. Григорьева. 19–22 мая 2005 г. М., 2006. С. 386–394.*
- ² На выбор Бродским слова из северного диалекта, безусловно, должен обратить внимание исследователь, собирающийся интерпретировать «Эклогу 5-ю». Он, по-видимому, получает основания предположить, что взгляд поэта на российскую провинцию, это, не в последнюю очередь, ретроспективный взгляд глазами архангельского ссыльного.